

ГОДЫ "ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОДЕНЩИНЫ"

В начале 1840 года девятнадцатилетний Некрасов остановился как бы на перепутье. Уже второй год он жил в столице, но жизнь была по-прежнему трудной и безрадостной. Удары судьбы сыпались один за другим.

Сборник стихов, на который он возлагал большие надежды, принес одни неприятности. Мечта о поступлении в университет рухнула окончательно. Резкие слова Белинского в "Отечественных записках" также доставили ему немало огорчений. И вдобавок по-прежнему угнетала нужда. Заработки оставались скудными, хотя он вовсе не сидел сложа руки, а, наоборот, постоянно и неутомимо работал.

- Господи, сколько я работал! - вспоминал о том времени Некрасов в конце жизни. - Уму непостижимо, сколько я работал; полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург. Словом, было от чего прийти в уныние. И, несмотря на редкую твердость характера, Некрасов порой готов был упасть духом. Он начал было пить, но успел вовремя остановиться. Иной раз его охватывало гнетущее настроение, мрачная тоска - это заметно в некоторых стихотворениях, где он призывал свой смертный час, и особенно в большом письме к сестре Елизавете, написанном осенью 1840 года, где содержатся горькие жалобы на "пустоту души" и "грусть одиночества". Причем главной причиной пессимизма были, конечно, не житейские трудности сами по себе, а нечто более значительное - разочарование в юношеских мечтах, крушение наивно-романтических, иллюзий, разбившихся о грубую и жестокую действительность.

Он решил отказаться от писания лирических стихов, не принесших ему удачи, и попробовать себя в других жанрах. Возникла потребность постоянного общения с журналом, в котором можно было бы испытать свои силы. На помощь пришел тот же Бенецкий, который однажды уже выручил Некрасова из беды. Бенецкий преподавал в Дворянском полку, и там же читал лекции по русской и всеобщей истории Федор Алексеевич Кони, бывший, кроме того, довольно известным журналистом, редактором журнала "Пантеон русского и всех европейских театров", а также "Литературной газеты". Кони был еще и драматургом, автором многих водевилей, шедших с успехом на сцене ("Петербургские квартиры" и др.). Одним словом, он был именно тем человеком, в котором больше всего нуждался теперь Некрасов.

Видимо, в самом начале 1840 года Бенецкий привел его к Федору Кони. Их встретил худощавый человек небольшого роста, в золотых очках, в черном как смоль парике, с черными быстрыми глазами. Он отнесся участливо к молодому литератору и тотчас привлек его к работе в своем журнале. Во всяком случае, в феврале и марте в "Пантеоне" уже был напечатан (в трех номерах, с продолжением) стихотворный фельетон Некрасова "Провинциальный подъячий в Петербурге", подписанный замысловатым псевдонимом: Феоклист Онуфрич Боб. В этом фельетоне, написанном хлестким, почти разговорным стихом, ощутимы элементы реалистической сатиры - впервые у Некрасова. Весело и задорно изображены здесь петербургские развлечения провинциального чиновника-взяточника. Фельетон был замечен Белинским и даже удостоился его похвалы: забавные куплеты "всем так понравились, - писал критик, - и уже так всем известны, что мы не имеем нужды выписывать их". Чуть позднее Некрасов сделал Феоклиста Боба героем одного из своих водевилей.

Издатель "Пантеона", человек доброжелательный, искренне хотел помочь Некрасову и для начала напечатал несколько его стихотворений, написанных в прежнем романтическом духе ("Мелодия", "Слезы разлуки", "Скорбь и слезы" и др.). Тогда же он поддержал намерение нового сотрудника испытать свои силы в прозе, а может быть, и натолкнул его на эту мысль.

- Но я никогда не пробовал и не знаю, о чем писать, - колебался Некрасов.

- А вы попробуйте на первый раз рассказать какой-нибудь случай, известный вам из жизни, - говорил Кони.

Некрасов попробовал, и вскоре на страницах того же "Пантеона" появился первый его опыт - повесть из чиновничьей жизни "Макар Осипович Случайный". Под нею стояла подпись, которая затем приобрела довольно широкую известность, - Н. Перепельский. Современники утверждали, что в основе повести лежала действительная история, известная в свое время в Петербурге. История состояла в том, что один крупный чиновник, генерал, грубо обошелся с бедным, но способным молодым человеком, хлопотавшим о получении места в канцелярии. Затем обстоятельства меняются: генерал выходит из милости начальства, а молодой человек, наоборот, становится "правой рукой" некоего князя и получает возможность отомстить генералу, отставленному от дел.

Излагая эту историю, Некрасов отдал дань читательским вкусам того времени: он пытался осложнить действие двойной любовной интригой, введением маскарадных сцен и т. д. В повести заметен недостаток литературного опыта, некоторые эпизоды страдают отсутствием художественной убедительности. Но есть в ней и немало интересного, и прежде всего интересен образ главного героя. Вначале мы находим рассуждение автора о людях "случайных, ставших по заслугам или иначе на видную степень", приблизившихся к знати с помощью ловкости, а не "породы". Это рассуждение объясняет не совсем обычную фамилию героя и придает ему некоторый обобщенный смысл. Автор как бы обличает в его лице выскочек, добившихся "степеней известных" не по заслугам, а "иначе", то есть различными темными путями. Мы узнаем, как Макар Случайный, сын бедного священника в Малороссии, постепенно продвигался по служебной лестнице, как он сделался где-то полицмейстером, затем упрочил свое положение выгодной спекуляцией - женитьбой на купчихе.

* * *

Первое сочинение в прозе положило начало целому периоду в жизни Некрасова, когда он, почти оставив стихи, занялся рассказами, повестями, позднее романами; одновременно он писал водевили.

После повести о Макаре Случайном Некрасов напечатал в том же "Пантеоне" второй рассказ - "Без вести пропавший пиита" (1840). Он был написан также не без влияния Федора Кони, посоветовавшего начинающему литератору на этот раз описать себя, свое недавнее положение. Он так и поступил - рассказал о бедствиях молодого человека, приехавшего из провинции и мечтающего о своем высоком призвании.

В потоке ранней некрасовской прозы, о которой он сам впоследствии говорил с некоторым смущением, были и рассказы чисто литературного происхождения, имевшие целью развлечь невзыскательного читателя, падкого на любовную интригу, романтические преувеличения, оглушительные эпитеты. В таких рассказах ("Певница", "В Сардинии") фигурируют честные графы и коварные бароны, ослепительные красавицы и гордые феодалы, черные кудри, "дикий огонь" глаз и "нега страсти"; действие происходит под небом южных стран, в которых никогда не приходилось бывать автору; свои сведения об этих странах он черпал из посредственной беллетристики.

Но резко выделяются среди первых прозаических сочинений Некрасова те рассказы и повести, в которых отразились собственный жизненный опыт молодого автора и впечатления окружающей действительности. Их персонажи характерны для нового литературного направления: молодые люди из разночинцев, осаждающие приемную "значительного лица" в надежде получить "место"; голодные поэты, ютящиеся в углах и не имеющие средств даже на покупку чернил; забитые нуждой чиновники; бедные девушки, обманутые столичными хлыщами; ростовщики, опутывающие своими сетями бедняков; крупные чиновники-взяточники, мнящие себя опорой государства, - все эти герои некрасовской прозы как нельзя более своевременно появились на журнальных страницах.

В 1841 году в "Литературной газете" был напечатан рассказ Некрасова "Карета", в котором описана история молодого человека, одержимого завистью и злобой к тем, кто ездит в

каретях. Некрасов не знал, что за несколько лет до него Лермонтов уже нашел эту чисто петербургскую тему* незаконченная повесть "Княгиня Литовская", где изображен бедный чиновник Красинский, возненавидевший богачей после того, как его сбил с ног роскошный экипаж, появилась в печати много позднее (в 1882 году). Подобно лермонтовскому герою, некрасовский молодой человек не может и мечтать о карете. Ему приходится иной раз делать до десяти верст в день, чтобы прокормить себя с помощью уроков. "Чем они лучше меня", - думает он, глядя на проносящиеся мимо кареты.

Читатели "Пантеона" и "Литературной газеты" в значительной своей части принадлежали к той среде, которую описывал Некрасов, и им нравилось читать рассказы о себе, о таких же, как они, бедняках и тружениках, о их горестях, страданиях и надеждах. Ранняя проза Некрасова при всем ее несовершенстве неоспоримо свидетельствовала: новая литература обратилась к таким сторонам жизни, какие еще недавно считались недостойными искусства.

Правда, Некрасов не был первым русским писателем, вступившим на этот путь. У него, как и у всей литературной школы реалистов 40-х годов, был великий учитель - Гоголь. Своей гениальной "Шинелью" он дал русской литературе столь необходимую ей в эти годы гуманистическую тему "маленького человека". Своим "Невским проспектом" он утвердил тему большого города, раздираемого противоречиями бедности и богатства, города, где торжествует несправедливость, где гибнут талантливые, но беззащитные пискарёвы и благоденствуют тупые, самодовольные пирогови. Продолжая гоголевскую традицию, писатели 40-х годов пошли еще дальше в своем художественном исследовании "низов" русского общества.

Ранние повести Некрасова - только первые шаги в этом направлении, но и они заслуживают серьезного внимания.

Какие причины побудили Некрасова перейти к писанию прозой? Было бы наивно, приписать это неудаче первого сборника стихов или влиянию Федора Кони, который посоветовал молодому поэту приняться за прозу. Суть дела заключалась в том, что если бы этот совет не подал Кони, то его подал бы кто-нибудь другой: само время толкало Некрасова к прозаическим жанрам. Уже с конца 30-х годов стихи пользовались среди читающей публики все меньшим и меньшим спросом. Заметно уменьшилось количество стихотворных произведений в журналах; более того, они стали подвергаться насмешкам, своего рода преследованиям в печати. "Критики ставят их ниже всех других родов литературы", - говорит герой одного из ранних рассказов Некрасова ("25 рублей"). В русской литературе наступила, по выражению Белинского, пора "смирненной прозы", гораздо больше отвечавшей запросам и вкусам новой читательской аудитории. И не случайно, конечно, в это время почти не появляются новые поэтические имена.

В этих условиях отказ Некрасова от стихов и переход его к трезвой прозе были вполне закономерны. Для того чтобы поэзия, освобожденная от обветшавших штампов романтизма, могла подняться на новую ступень, занять свое место рядом с демократической прозой, должен был явиться такой поэт, каким позднее явился Некрасов. А в ту пору, в начале 40-х годов, он проходил период ученичества, готовясь к этой своей будущей роли.

Начав работать в изданиях Кони, Некрасов с его помощью очень быстро сделался профессиональным литератором. Он вообще многим был обязан Федору Алексеевичу, который сумел навсегда оторвать его от петербургского "дна", от привычек бездомной жизни, от начинавшегося пристрастия к вину и ввести его в среду литераторов и артистов. Сам Некрасов хорошо это понимал. "Я помню, что был я назад два года, как я жил... - писал он Кони из Ярославля 16 августа 1841 года. - Я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи Вашей... Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам..." Кроме рассказов, он писал тогда рецензии, заметки, театральные обозрения, фельетоны, водевили. В конце жизни Некрасов все огромное количество написанного им в эти годы назвал "литературной поденщиной". В этом определении была немалая доля правды, но это не значит, что его литературная продукция тех лет не заключала в себе ничего примечательного. Сам Некрасов очень строго относился к своим ранним произведениям. Требовательный к себе, он никогда не перепечатывал их впоследствии. Например, стихи, написанные до 1842 года, поэт не включая

в свои позднейшие сборники вообще; из стихов, написанных между 1842 и 1845 годами, он включил в трехтомное издание 1864 года только четыре стихотворения, да и то поместил их в раздел "Приложений". Тогда же, в специальном примечании к 'этому разделу, он обратился к родным и библиографам с "покорнейшей просьбой", не перепечатывать ничего другого, кроме этих четырех пьес, даже после его смерти.

Столь же сурово относился Некрасов и к своей прозе. Он не только сам не перепечатывал ранних рассказов, но и предупреждал будущих издателей и читателей: "Прозы моей надо касаться осторожно. Я писал из хлеба много дряни, особенно повести мои, даже поздние, очень плохи - просто глупы; возобновления их не желаю, исключая "Петербургские углы"... и, разве, "Тонкий человек"..."

Некрасов был прав: эти два произведения действительно выделяются в литературе того времени, хотя было бы неверно согласиться с его попыткой зачеркнуть все остальное.

Огромный материал жизненных наблюдений, накопленный в молодости, Некрасов еще не мог использовать полностью в силу незрелости своего таланта. К тому же иные рассказы написаны явно "на заказ", "из хлеба", по его собственному выражению. Но лучшие его страницы отмечены отчетливо выраженной социальной тенденцией. Писателю удалось показать, что в "низах" общества есть люди, имеющие право на лучшую участь. Он осознал, что такое контрасты большого города, попытался раскрыть их уже в первых своих рассказах. "О, как далеко Выборгской стороне до Невского проспекта! - писал Некрасов в одном из них. - Как бы я хотел теперь побывать с вами на Невском проспекте, показать вам на деле все неизмеримое расстояние между ним и Выборгскою стороною..." В ранней некрасовской прозе ощутимо смешение разнородных стилистических элементов. Черты романтического стиля еще дают себя знать даже в тех рассказах, где предметом изображения служит реальная жизнь, где действуют живые, списанные с натуры люди. В одних случаях это штампы, некоторая выпренность языка; в других - стремление осложнить действие любовной интригой или мелодраматическим поворотом сюжета (например, злодей-ростовщик, погубивший переплетчика, в конце рассказа "Ростовщик" узнает в нем своего сына и сходит с ума). В этих случаях сказывается известное недоверие к самой теме, еще непривычной для литературы, новой для читателя.

Но главное - это обращение к реальной жизни, к ее социальным противоречиям, стремление утвердиться на пути к реалистическому изображению действительности.

И некрасовская проза, и драматургия, и критика дают большой материал для изучения истоков зрелого творчества, для понимания литературно-эстетических взглядов писателя. Его ранняя деятельность занимает заметное место в литературе 40-х годов. Без его рассказов и повестей было бы неполным наше представление о художественной прозе гоголевской школы; без его водевилей трудно оценить театральную жизнь того времени; наконец, его критические статьи и обзоры являются составной частью той борьбы за реализм, которую вели в 40-х годах передовые литераторы во главе с Белинским.